

Вера Шварцбург

СЕСТРИЦА

18+

Вера Шварцбург Сестрица

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55158168

SelfPub; 2020

Аннотация

Каждый год на исходе весны древние боги на один день открывают двери в безвременье, и тогда может произойти всё, что угодно. Например, выйдешь из дому до первых петухов и встретишь на дороге ведьму зимы, и уже ничего нельзя будет исправить.

Однажды на исходе апреля, когда шербатая плошка луны только-только перевалится через ось полуночи, можно сквозь сон почувствовать, как потянуло холодом. Тут же закулят, завоюют собаки во дворах, забьются, пытаюсь сорвать ржавую цепь и убежать подальше в лесную чащу, а домашние, раздобревшие за зиму кошки спрячутся под лавки, чтобы шипеть оттуда в темноту. Потусторонний ветер пробежётся под тёплое одеяло, проникнет в тревожные сны, всколыхнёт шторы на окнах, зашуршит крупными соли на подоконнике и полетит дальше.

От самого Самхейна природа спала мёртвым сном, укутанная в белый саван, и ледяные духи пели ей колыбельные жуткими голосами, похожими на вой ветра в печной трубе, но в раннее утро Дня Кануна Лета она пробудилась, юная и прекрасная. Древние боги из хаоса с лицами зверей и птиц, с крыльями и чешуёй, с ногами, которые как корни вековых деревьев уходят вглубь земли, с тысячей глаз и рук и звёздной тьмой вместо сердца отворили тяжёлые кованые двери между тем миром и этим и пошли по земле, невесомо ступая, на все четыре стороны. Вслед за ними в подлунный мир спустились и молодые боги из небесных чертогов: надели зелёные с золотом одежды, украсили волосы цветами яблони и вышли на белый свет, чтобы в Майские день веселиться, как простые смертные. Любить девушек и юношей, прыгать через огромные, словно до самых небес горящие рыжие костры, петь хмельные песни и есть сладкие лепёшки с

рисом, запивая любовным вином. За богами в неплотно прикрытые двери хлынули с той стороны те, кто не ведает железа – духи всех мастей, которым только и дай, что чинить людям проказы. А последними, словно ветер, запутавшийся в прозрачной занавеси, влетели, увлекаемые междумирным сквозняком, неприкаянные души, которых кровь тянула к родному праху. И бродить им всем по земле до следующего рассвета пока не погаснет последний костёр Белтайна, и древние боги, обойдя землю по кругу, не закроют двери в безвременье.

Энию разбудило дуновение ветра, от которого кожа покрылась мелкими мурашками. За окном стояла почти непроглядная ночь, чернильная, как бывает перед самым рассветом, только вверху небо начало слегка сереть. Маленькая комнатка, чисто убранная накануне Белтайна, тонула в тенях. Девочке казалось, будто из темноты за ней кто-то следит, смотрит выжидательно. Может это феи, которые в ночь перед майским днём оставляют подарочки под подушкой? Или кто-то похуже... Нет, решимость Энии было не колебать. Теперь, главное, не разбудить маму, что, слегка посапывая, спала в кровати напротив. Беззвучно, как мышка, спустить босые ноги на пол, стянуть через голову льняную с кружевом рубашку для сна и надеть её задом-наперёд, достать из-под подушки припасённую загодя рыбью кость... Во дворе хрипло залаял Шемрок, загремел тяжёлой цепью, словно почуял опасность. Шемрок – старый кудлатый волко-

дав, старше самой Энии, а может даже старше Ниса – обычно был удивительно спокойным, но этой ночью что-то тревожило собак по всей деревне, и от двора к двору разносился пронзительный вой. «Тихо, пёсенька, тихо, миленький, – взмолилась девочка шёпотом, – не разбуди маму!» Но мама спала крепко, без сновидений, ветер с той стороны не беспокоил её, не щекотал босые ноги, не поднимал тонкие, незаметные волоски на руках, словно от страха. А Нис и во все умел спать как убитый. Эния могла поклясться, что брат в своей комнате дрыхнет без задних ног, широко раскинув сильные, покрытые россыпью нежных веснушек руки и улыбается во сне. Вот бы позвать его с собой... Но нельзя, иначе ведьма не появится. Девочка торопливо расчесала длинные золотистые волосы рыбьей костью и, ступая тихо, как вор или как лесная пикси, вышла во двор.

Снежными ночами, когда маленький домик заносило по самую крышу, мама, сидя у кровати дочери рассказывала истории о ледяных великанах, кидающих друг в друга кусками каменных скал, вызывая лавины в горах, о маленьких белых феях, хранящих зимний сон матери-природы и ткущих пушистое одеяло из снежных хлопьев, о келпи – водяном коне, что утаскивает путников под тёмную мутную воду, а ещё о ведьме северных пустошей. Ночами она варит в глубоком котле чёрное колдовство, оно расплзается туманами, застилая день, чтобы природа не проснулась, чтобы злые ветры разносили по миру холод и смерть, а реки и озёра

сковало льдом. Но чем позже закатывается солнце за горизонт, чем голубее полуденное небо, тем слабее старая ведьма. Ещё в Бригиттин день природа начинает пробуждаться. Она пока не открыла глаза, но её дыхание становится глубже и чище, оно освобождает реки от ледяных оков, пробуждает к жизни травы и цветы. И если в утро накануне Майского дня проснуться рано-рано, ещё до первых петухов, надеть рубашку задом-наперёд, а волосы причесать рыбьей костью и босиком выйти на перекрёсток четырёх дорог, можно увидеть седую сгорбленную старуху, шаркающую ногами в пыли. Она идёт, опираясь на суковатую ветку сосны, и перед ней стелется ночь, а за спиной – синие предрассветные сумерки да призрачные волки, крадущиеся во тьме. Старуха остановится, вздохнёт устало – и повеет холодом, окутает необутые ноги, заползёт в разум, и на секунду покажется, что весна уже никогда не наступит. Волки припадут к земле настороженно, взрыкивая, а ведьма поднимет на тебя свои белые глаза с уродливыми бельмами, попытаешь понять, кто посмел встать на пути Древней. И тогда нужно не мешкая проговорить: «Как звёзд ясных не видно белым днём, так и меня тебе не увидеть, ведьма-зима». Глаза пошарят слепо вокруг и снова уставятся в густую ночь. Горбунья обопрётся о свой сосновый посох и пошаркает вперёд, а как дойдёт до перекрёстка, так поворотится вокруг себя, да зашвырнёт палку в кусты, а сама обернётся камнем.

«Так и меня тебе не увидеть, ведьма, так и меня тебе не

увидать» – повторяла Эния, спеша босиком на дорогу, ведущую из большого города в их маленькую деревеньку на границе с лесом. «Так и меня тебе не увидеть, не услышать, не поймать!» И любопытно, и страшно, аж жуть берёт. Интересно, какая она, эта ведьма, высокая, как дерево или маленькая, как альв?

И вот теперь Эния в своей льняной рубашонке задом-наперёд, замерла на тёмном перекрёстке, не в силах вымолвить ни слова. А перед ней, протянув костлявую серую руку, покрытую вздутыми корнями вен, стояла жуткая горбунья с незрячими глазами, и девочка не могла вспомнить ни слова заговора, будто всё в голове заполнил утренний туман. Она появилась на дороге словно бы из ниоткуда, соткалась из стылого воздуха, а за ней клочьями дыма бесшумно двигались, припадая к земле, серые волки. Вспоминай, Эния, вспоминай! Мама пела эти слова как песенку, чтобы дочке крепче спалось, чтобы в завывающем февральском ветре не чудился голос ведьмы, насылающей проклятия. Ничего не шло в голову.

Старуха протянула руку и схватила девочку за горло. Она была ни высокой и не маленькой, а ровно такой, чтобы достать до нежной белой шеи Энии. Волки зарычали страшно и прижали серые уши с жёсткой шерстью, присев для прыжка. Сейчас они разорвут её на части, и с утра кто-нибудь найдёт на перекрёстке камень, пятна крови на дороге и обрывки кружева, которое когда-то плела мама. Ах, мамочка! Неуже-

ли никогда не увидеться больше? Милый-милый Нис! Вот бы обнять тебя хоть разок ещё!

Воздух в лёгких закончился, а рука, похожая на ветку умирающего дерева, сжималась всё крепче и крепче. Ну вот и всё. Эния зажмурилась изо всех сил, чтобы не было так страшно. И вдруг за спиной горбуни, там, где предрассветная синева теснила ночь, блеснул луч солнца. День Белтайна вступал в свои права. И тут же в деревне запел первый петух, а вслед за ним и другие петухи подхватили гимн новому дню, заголосили, разрезая утреннее безмолвие. Хватка разом ослабла, и девочка упала на землю, жадно хватая ртом воздух. Полежала немного и открыла глаза. На краю дороги высился огромный замшелый камень. Он выглядел таким старым, словно прочно укоренился тут ещё с начала времён, таким, что путник, проходя по просёлочному тракту, скользнёт равнодушно взглядом и не задержится ни на миг. За камнем медленно поднимались в небо струйками серого дыма туманные волки.

Эния хотела крикнуть: «Мама, мамочка!», но из горла только воздух вышел, совершенно беззвучно, будто проклятая ведьма украла у неё язык. Девочка поднялась и побежала обратно, чтобы успеть до пробуждения домашних. Ох и задаст же ей мать трёпку, если узнает, где была утром дочка, ох и всыплет же ей, как тогда, когда Эния убежала в лес вслед за мерцающими огоньками эльфов, а потом заплутала в темноте.

– Нис, а Нис! – девушка в ярко-жёлтой рубашке перевалилась тяжёлой грудью на подоконник, кокетливо кося глазами на светловолосого парня, по-хозяйски развалившегося за столом. – Ты пойдёшь на майский столб, Нис? – русые гладкие волосы обрамляли мясистое плосковатое лицо. Девушка постоянно поправляла пышный зелёный веночек, спадающий на глаза.

– А тебе что за дело, Офа, может пойду, а может дома останусь, – протянул парень лениво, откусывая пирожок с крапивой и подмигивая младшей сестре, тихо сидящей за столом.

– Пойдёт, куда он денется! – протянул другой голос, и в окне показалась блондинистая макушка, а потом вздёрнутый маленький носик. – Сегодня ведь Ночь Костров. И уже понятно, кто станет королевой. А Нис – Нис непременно будет королём!

– Это ты что ли станешь королевой, Айрис? С твоим-то пороссячим носом? – послышалось с улицы, и девицы заголосили, как стая галок.

– Идите, идите прочь, бесстыдницы – помахала мама полотенцем и, когда девушки со смехом убежали, затворила окно. – Ночь Костров... – протянула она, будто ни к кому не обращаясь. Сегодня твоя первая взрослая Ночь Костров, сынок. – Женщина подошла к сыну и поцеловала в белую, кудрявую макушку, отводя глаза.

– Да, мама, – счастливо улыбаясь ответил Нис. И сердце заняло в сладком предвкушении.

– Мышка-малышка, какая-то ты сегодня молчаливая, – мама украдкой вытерла передником слёзы и принялась разливать по глиняным чашкам отвар из сушёных ягод, розмарина и лепестков розы. Розмарин пах остро ипряно, чтобы отгонять нечисть, розы – нежно и душисто, чтобы открыть сердце, на блюде – пирожки-солнышки со сладким рисом и вишней – дар богам и людям угощение. – Или феи не оставили тебе сегодня подарочек под подушкой?

Эния бежала домой так, что дышать было больно. Влезла в комнату через окошко, забралась под одеяло, поджав под себя грязные ноги и притворилась спящей как раз, когда мама проснулась, пошарила рукой под кроватью и, аккуратно отогнув край дочкиной подушки, положила под неё мешочек с розовыми леденцами. Значит, каждый год это была мама! В другой раз, обнаружив, что не феи оставляют для неё маленькие подарочки на Белтайн, Эния бы расстроилась. Но сегодня она своими глазами видела Ведьму северных пустошей! Куда уж тут феям! Страх от пережитого постепенно утихал, вот только голос так и не вернулся. И как признаться в этом маме, девочка пока не знала.

Над чашками завивался колечками сизый дымок, в кухне, бедненькой, но идеально чистой, пахло свежими пирогами, а Нис, пока мама не видел, корчил Энии смешные рожи. До чего же красивый, до чего ладный братец у неё. У Ниса во-

лосы – пшеница и лён, губы – маков цвет. Он улыбается так, что на щеках образуются ямочки, а когда смеётся, хочется захохотать вслед за ним безо всякой причины. И девки ходят, вьются вокруг их дома, хоть и небогатый, заглядывают в окна, да всё без толку. Эния души не чаяла в старшем брате. Он рассказывал ей сказки перед сном, помогал заплетать косы, когда мама была слишком занята, носил на плечах. Отца девочка помнила смутно, мама говорила, что он умер от чахотки, а Нис ночами шептал в ушко сестре, что его забрали к себе келпи. Старший брат стал ей и отцом, и другом. Эния сама для ночи костров вышила ему рубашку, трудилась вечерами, с самого Самхейна, и теперь по вороту стелились зелёные листья клевера, на удачу. Один лепесток, прямо у правого плеча, получился кривым, но девочка уже не успела распустить и вышить его заново.

Вчера с наступлением сумерек мама посыпала порог песком и стриженной травой, чтобы ведьмы пересчитывали до первых петухов и не успели зайти в дом. А подоконники припорошила дорожками соли и розмарина – от тех, кто не ведает железа. Мама бросила в очаг ветки ясеня и надела на шею Нису и Энии нитки с высохшими ягодами бузины. Мама напекла пирожки, румяные, в затейливых листочках, пусть Рогатый бог возрадуется – пришло лето, пережили стужу, холод, безвременье, теперь можно и цвести. Духи Белтайна уже прошли через высокие кованые двери между мирами, уже закружились в хороводах на оживающих опушках, уже про-

тянули свои прозрачные и тонкие, словно ветви плакучих ив, руки, чтобы коснуться живого тепла, горячей крови, чтобы на мгновение сделаться почти живыми, как будто смерть – всего лишь обратная сторона оконной рамы.

– Человечка, а, человечка – Эния заметила странное мельтешение за стеклом. Маленькие совершенно голые зубастые зелёные твари с прозрачными, как у стрекоз, крылышками, порхали за окном, глядя на неё большими жёлтыми глазами. – Ты нас видишь, маленькая славненькая человечка, – прожужжала одна из тварей, размером чуть побольше других. – Видишь, ссслышишь, чувствуешь! Впусти,пусти нас в дом, человечка! – твари прилипли к оконному стеклу, облизывая его маленькими розовыми языками и хищно щеря остренькие зубки. – Смети соль на пол, нам от неё больно! – заверещала крупная фейри. А, судя по рассказам ма-тушки, это были именно они.

– Больно, больно, больно! – подхватили все остальные, стрекоча как кузнечики.

– Сс соль жжётся! – продолжила порхающая у окна тварь.

– Жжётся! Жжётся! Куссаается! – словно срепетированный хор вторили остальные фейри, продолжая биться о стекло. Эния протёрла глаза, но голенькие зелёные твари с острыми зубками никуда не исчезли.

– Нам хочется есть! – снова завела свою песню старшая. – Подойди к окошку, подойди, милая человечка! Мы совсем не ссстрашные, мы не кусаемся!

– Не кусаемся! Не кусаемся! Не кусаемся! – вторил рой, хищно облизываясь. Девочка повернулась к маме, та смотрела в окно, задумавшись о своём и совершенно не замечая незваных гостей. Нис убежал в свою комнату, собираться на дневные гульбища на площади. Значит, только она почему-то видит существ с той стороны. Может это всё колдовство ведьмы? Эния подошла к окну, и фейри пуще прежнего заголосили: «Смахни злую соль, смахни, миленькая, беленькая, сладенькая человечка! Пусти нас погреться. Пусти нас покушать. Открой окошко». Руки сами потянулись к дорожке из соли на подоконнике, словно за них кто-то дёргал. И вправду, почему бы не впустить этих милых, славных фейри, почему бы не угостить их пирожками и ягодами? Маленькие зелёные личики прилипли к стеклу и тарасились на девочку, кривя зубастые пасти в ухмылке.

– Что ты там увидела, мышка-малышка? – мама подошла неслышно и обняла дочь за плечи. Эния встряхнула головой – да что ж такое с ней творится? Едва не впустила в дом нечисть! Но наваждение спало, и потусторонние твари поняли это.

– Ты выйдешь! – злобно выкрикнула фейри-заводила.

– Выйдешь! Выйдешь! Прочь за порог! Топ-топ на дорожку! – поддержала свита, – Без защиты, без дверей и окошек, без мерсских порожков, без ржавого гвоздика над дверью!

– И тогда мы найдём тебя, глупая маленькая человечка!

– Отыщем! Накажем! Запутаем! Замучаем! – фейри жуж-

жа бились в стекло, как рой рассерженных мух.

– И попроссим у ведьмы голоссс, который она у тебя украла! Отдадим его другой.

– Красивенькой! Беленькой! Ссладенькой!

– Берегисссь, берегисссь, человечка, что отказала в госс-
степриимстве королеве фейри!

И вся стая маленьких зелёных человечков взмыла в небеса, а до девочки ещё долго доносилось жужжащее «Берегисссь! Берегисссь! Берегисссь!»

Эния задрожала от страха. Сегодня ведь Ночь костров! Как она сунется за порог? Как объяснит брату и матери, что нельзя и носа показывать из дома? Пока она думала, хлопнула дверь, и Нис, радостно махая сестре, убежал на площадь за городом, где накануне поставили майский шест, украшенный пёстрыми лентами и где днём юноши и девушки будут веселиться, соревноваться в силе и ловкости, чтобы ночью, когда разгорятся костры на холме, выбрать себе пару, на всю жизнь или только до рассвета первого летнего дня.

В карманы праздничного белого платья, расшитого ягодами боярышника, Эния напихала ржавых гвоздей и сухой рябины, мама сушила её всю зиму на красных нитках между балками на чердаке. Одну из таких ниток девочка повязала себе на запястье, и, пока никто не видел, засунула по кусочку в башмаки маме и прибежавшему на обед Нису. Сумерки спустились быстро, будто древние подгоняли солнце, что-

бы скорей на холмах зажглись костры в жертву старым и новым богам. Мама пошла во двор отвязывать козу, а та бляла, упиралась и ни в какую не хотела идти на праздник. Эния постоянно выглядывала в окно, но фейри давно улетели искать другие места для проказ. Вот только девочку не покидало ощущение, что за ней следят из темноты сотни мерцающих жёлтых глаз, и жужжат «Берегиссь! Берегиссь! Берегиссь, человечка!»

– Пошли скорее, копуша, на возжигание опозданием, – крикнула мама со двора, пытаясь перекрычать хрипло лающего Шемрока. – Да что с тобой сегодня, мальчик? – погладила она пса по вихрастой голове. – Никак фейри озорничают, непорядок.

Осторожно оглядываясь по сторонам, девочка вышла из дому. Прямо за порогом сидело существо, похожее на злобный глазастый корешок – боггарт. Он плюхнулся широким плоским задом на лестницу и увлечённо выламывал щепки из деревянной ступеньки, не замечая ни Энию, ни её мать. Шемрок заливался, пытаясь схватить боггарта, но цепь не позволяла. Пёс обречённо улёгся на землю и завыл.

– Эй, Мерна! – крикнул проходящий мимо забора староста деревни с пылающим факелом. Он пошатывался от выпитого и блеснул глазами. – Останешься сегодня после возжигания? Чай семь лет вдова уже, пора и расчехлить старые прелести, – грузный мужчина захохотал собственной шутке и похлопал себя по животу.

– Ты иди, иди, Гверн, – запыхавшись ответила мать Энии, с трудом вытаскивая за ворота упирающуюся козу, – Пока я сама тебе чего не расчехлила.

– Ну смотри, – хмыкнул мужчина, – ещё год-другой, подрастёт твоя девка для Ночи Костров, а ты сама совсем старухой станешь, так пока бы хоть немного пожила, да с каким мужчиной! – староста самодовольно закрутил рыжий седеющий ус и поспешил вперёд по дороге.

– Не обращай внимания на пьяного дурака, дочка, – прошептала мама, целуя Энию в макушку, – сам не ведает, что несёт! Хоть бы ребёнка постеснялся! – крикнула она вдогонку, но шум приближающейся гомонящей толпы заглушил её голос.

Между домов по направлению к холму текли огни. Мужчины, тщательно намывшие с утра головы, бороды и другие важные места, но с той поры изрядно помявшиеся, пахнущие самогонными парами и предвкушением славной драки, несли факелы, маша ими в опасной близости от недовольно шипящих, взведённых ещё после второй мужниной стопки жён. Сами жёны в белых накрахмаленных чепцах тащили корзины с ягодными пирогами и засахаренными фруктами в дар богам и на угощение. Они фыркали, глядя по сторонам на весёлых, украшенных цветами и горящих ожиданием праздника молодых девушек, поджимали губы и втайне мечтали, чтобы не уйти домой после возжигания, не лечь в холодную супружескую постель, а остаться, схватить за руку черново-

лосого молодца и целоваться с ним до самого рассвета. Девушки на выданье в летящих свободных рубахах, почти не скрывающих юных тел, с розами и жёлтыми примулами в распущенных волосах, смеялись, держась за руки и бросали кокетливые взгляды на молодых парней. Сегодня и первая красавица, и последняя дурнушка с рябым после оспы лицом будут плясать вокруг костров в рубахах, мокрых от пота и жара огней, убегать от хмельных, «зелёных женихов», а потом стонать и виться до самого утра в высокой и сочной майской траве. Кто-то сегодня впервые не уйдёт домой после возжигания костров и преломления хлеба. Кто-то впервые останется до утра, славить рогатого бога и вечно юную богиню жарким танцем любви и вечной возрождающейся жизни.

Дети ивовыми прутиками подгоняли неохотно бредущих к холмам и роняющих лепёшки коров и сопротивляющихся блеющих коз. На лошадях ехали юноши, отвешивая комплименты краснеющим щеками девушкам и поигрывая мускулами.

– Простите, простите, извините, – пробасил кто-то в вышине. Эния подняла голову и увидела бредущего между коров серокожего тролля с исполинской волынкой на плече. Коровы запаниковали и начали сбиваться в кучу, нарушая мерное течение огненной реки. – Простите, я не хотел, – буркнул тролль смущённо, огромной лапищей распределил коров по местам и заспешил вперёд, огибая людей и животных.

На козе, которая увидев тролля, едва не уволокла маму домой, сидели, вцепившись в шерсть, трое пикси. Эния отрусила спину упрямой козы и пикси с недовольным визгом попадали в траву.

Меж идущими людьми плыли, мерцая в свете факелов, призраки с тоскливыми нездешними лицами. На них были рваные, испачканные в земле рубахи, на молодых девушках, умерших до замужества – подвенечные платья и высохшие венки из кладбищенских гвоздик, на маленьких детях – посеревшие крестильные рубашечки. Они подпрыгивали, пытаясь схватить идущих с корзинами женщин, хотя бы ненадолго почувствовать прикосновение тёплого тела, хотя бы в эту волшебную ночь стать чуть более живыми. Но прозрачные руки проходили насквозь, не касаясь, оставляя только лёгкое дуновение. Чёрной смолой текла по рукам, волосам и разорванным истлевшим платьям вековечная обида мёртвых на живых, горькая несправедливость, жгучая боль. Почему вы живы, а мы мертвы, и только несколько дней в году можем выйти под лунный свет, не чувствуя ни тепла, ни страсти, ни вкуса хлеба? Обида разливалась по земле, прилипала к подошвам праздничных башмаков и горчила на языке.

На спине пожилого усатого мельника, с самого утра убравшегося горькой, ехала, вцепившись как клещ руками и ногами, призрачная старуха и пила из толстой покрасневшей шеи жизнь, сплёвывая чёрным на траву. Видимо, слишком сильна была связь, слишком долго врастали они друг в друга,

что даже после смерти одного не расцепить никак, не разорвать. Мельник покачнулся и упал на спину, подмяв под себя старуху, но толпа не увидела, потекла дальше. А найдут его утром холодного – так что ж с того, колесо жизни крутится, да новая трава растёт гуще там, где старая полегла.

Серокожий тролль задудел в свою волынку. Никто из людей его не слышал, но то один, то другой вдруг затянули Песню Майской ночи о первых юноше и девушке, которые встретились на зелёном лугу. Знакомые Энии слова закончились, и пьяные мужчины перешли на такие детальные описания «встречи», что девочка покраснела, а феи и пикси в траве захохотали. Неужели никто кроме неё, Энии, не видит всех этих существ, что вышли на землю встретить канун лета?

Людской поток обогнул холм с обеих сторон и потёк на него сияющими ручьями. Луна лениво выползла из-за холма, заливая всё вокруг голубоватым потусторонним светом. И вот уже староста, пошатываящийся от выпитого, в пропотевшей рубашке, подошёл к костровищу на самой вершине и сунул просмоленный факел в переплетение веток. Пламя лизнуло подношение, поднимаясь всё выше и выше, разгораясь изнутри, и вдруг взмыло до небес, а из огня брызнули во все стороны алые, чёрные и рыжие духи, похожие на языки пламени, и закружились в сияющем безумном хороводе.

Вдруг будто из самого костра вышел высокий молодой мужчина со сверкающим как солнце лицом, взмахнул руками, и остальные костры разом занялись, запылали, разо-

гнав ночь.

– Благословенного Белтайна! – крикнул он и толпа зашумела, раздалась!

– Благословенного! Да будь славен рогатый бог и юная богиня! Будь славна ночь!

За солнцеликим из темноты вышли, держась за руки, голый молодой детина с бычьими рогами, торчащими прямо из кудрявых чёрных волос и прекрасная обнажённая девушка с золотыми волосами. Молодые боги остановились и слились в страстном поцелуе. Вслед за ними через костёр вышли другие – рыжеволосый юноша с пушистыми белыми крыльями за спиной, исполинская широкоплечая воительница в испачканных кровью доспехах, волокущая по земле тяжёлый золотой меч, хромой одноглазый старик с раздвоенными копытами вместо ног, дева с головой птицы. Последним брёл мужчина в плаще с ветвистыми оленьими рогами. Он опирался на тяжёлый посох, и от каждого удара им о землю холм дрожал и сотрясался. Они вошли в круг людей, будто тут им и было самое место, и никто, кроме замороженной маленькой девочки, стоящей на границе круга огней, их не заметил.

Мычащих и упирающихся коров, строптивых коз и лошадей провели между двух больших костров и отдали на попечение юному деревенскому пастушку. И закружился Белтайновский хоровод, дурманящий, горячечный, шальной. Кровь бурлила, горела внутри. Эния, позабыв про зловредных фейри, скакала вместе со всеми вокруг большого костра,

держа одной рукой крылатого изящного юношу, а другой – пахнущего потом и самогоном деревенского старосту Гверна. Словно безумная неистовая радость наполнила её всю изнутри, и хотелось петь, кружиться и прыгать по влажной от росы траве до самого рассвета. Троль, неуклюже топая ногами, отплясывал вместе со всеми, аккуратно держа одной рукой маму Энии, а другой – летящую, не касаясь земли, призрачную девушку с печальным лошадиным лицом.

Дикая пляска кружила в ночи, двигаясь от костра к костру, и искры долетали до самых звёзд, пикси и фейри водили хороводы в небе, опьянённые волшебством майской ночи. Откуда-то гремела музыка, и Эния крутила головой, пытаясь понять, где же расположились невидимые музыканты. Оказалось, что одноглазый бог с кривыми козлиными ножками и курчавой бородой дирижировал оркестром призраков. Они дудели в трубы, стучали в бубны и били в обтянутые телячьей кожей большие барабаны. Троль споткнулся, разорвав хоровод, и вот уже отдельные пары, стуча ногами, отплясывали на холме.

Нис держал за талию обнажённую золотоволосую богиню, и сестрица не могла не залюбоваться тем, как хорош её брат, что в пору даже богине. Нису исполнилось 17 на исходе зимы, и он сегодня впервые не уйдёт с ночи костров в тёплую домашнюю постель. Когда старики да дети разойдутся по домам, а костры разгорятся жарче, он возьмёт в руки одну из лент майского дерева и поймает с хохотом свою избранницу,

закружив её и окутав красным или зелёным шёлком. А она, залиvisto смеясь, обовьёт его шею руками, зароется пальцами в волосы – пшеницу да лён, прильнёт губами алыми и потянет за собой в траву.

Маму кружил незнакомец с чёрным как ночь лицом и горящими волосами. Рядом выплясывал староста, аккуратно держа за тоненькие ручки невысокую гоблиншу. В траве стайка фей кружила за корявые лапы неповоротливого боггарта. А Айрис, дочь старосты, что сегодня заглядывала к ним в окно, надсадно дышала в объятиях рогатого обнажённого мужчины.

– Привет, человечка! Сладенькая человечка! Глупенькая человечка! – налетели на Энию фейри, – Надела нитку, и думаешь, спасёшься от нас? Укроешься? Спрячешься?

Девочка замахала руками, и зубастые твари, скалясь, улетели в темноту.

– Куда ты прёшь, Бритта? Тебя всё равно не выберут, с твоими-то свинячьими глазками, – недовольно забасила Кили, широкоплечая дочка пасечника с грубоватым лицом, но удивительными, гладкими как шёлк тёмно-золотыми волосами. Юные девушки на выданье толпились на поляне перед майским деревом. Раскрасневшиеся, вспотевшие после танцев, с румяными щеками и растрепавшимися волосами, выпившие вина с травами, а оттого развязные, горячие, нетер-

пеливые.

– У меня хотя бы фигура не как у мужика – огрызнулась пухловатая Бритта, резко отскочив от скорой на расправу Кили. – И Берд поклялся, что выберут меня. Я ему за это обещала поцелуй.

– Да тебя даже слепая лошадь, и та целовать не захочет, – скривилась Кили.

– А ты только с лошадьми и целуешься! – выкрикнула Бритта, и тут же была схвачена соперницей за разметавшиеся после танца патлы.

– Ах, не спорьте, девочки, выберут всё равно меня, – Айрис поправила светлые волнистые кудри и кокетливо улыбнулась рогатому мужчине, который держал в руках зелёную корону, оплетённую нежными юными ивовыми листочками, мышинными гиацинтами и незабудками.

По другую сторону стояли парни, возбуждённые предстоящей ночью, хмельные и смелые, они шутовски тыкали друг друга кулаками в плечи, отпуская сальные шуточки в адрес стоящих напротив девиц.

Рогатый бог подошёл и безо всяких церемоний и надел корону на голову Айрис. А его супруга – прекрасная богиня – поманила пальцем Ниса и водрузила на льняные кудри зелёный мшистый венец.

Говорят, чему суждено случиться, случится на Белтайн.

Нис засунул руки в карман и улыбнулся – в кармане холщовых штанов шелестели крошки печенья для духов – мать

сунула перед выходом из дому, да так ловко, что и не заметил. Играют мускулы, играют ямочки на нежных щеках – семнадцать лет, а такой красавчик, первый парень в городе, майский король. Вот и королева Айрис – звонкая, мягкая, гибкая, как весенняя трава, хохочет хмельно, зазывно. Вокруг девушки в белых платьях – свита, оглаживают королеву, восхищаются, заглядывают в глаза, повязывают ей на руки цветные ленты – на счастье, на плодородие, на обильное лето и жирную зиму, но скоро и они разбредутся, разбегутся по лесу, уворачиваться от сильных рук и горячих тел, уклоняться с визгом от шальных пьяных поцелуев, чтобы потом сдаться на милость победителя, упасть на траву, без стыда и без совести, и петь оду жизни, возрождения и славить Белтайн. А королева и убежать не будет. Подойдёт к нему ласковой голубкой скинет платье и ляжет перед ним на бархат мха, сама ляжет, как перед своим господином. Пришёл Нису возраст узнать женщину, почувствовать, как бьёт через него энергия жизни и любви.

Подруги стащили с Айрис взмокшее от танцев светлое платье и голое, белое, как луна, тело блеснуло в свете костра. Айрис повела округлыми плечами, бесстыдно демонстрируя крепкие тяжёлые груди, мягкий живот и золотистый пушок ниже. Потянулась, как сытая кошка, оглянулась по сторонам – все ли смотрят? Все ли мечтают о королеве с незабудками в волосах? Скоро, скоро пойдут по домам дети, матери и сморщенные старики. Скоро. Майской королеве расчесали

волосы, надели зелёное, как листья вереска, платье с длинными рукавами до самой земли и подняли на руки, обнести вокруг холма, чтобы год был урожайным. Часть толпы хлынула за ней с песнями и улюлюканьями, другие кинулись к кувшинам с вином да к девицам, что только и ждали, когда их поймают.

Эния первая увидела тихую черноглазую девушку, стоящую в тени вдали от горящих жарко костров. Уж больно непохожа она была на деревенских, больно бледно её узкое лицо, темны волосы цвета крыла галки. Сиреневое платье колыхалось у ног, будто живое, а незнакомка, улыбаясь, смотрела через толпу, через огонь костров только на Ниса, стоявшего в толпе друзей. Вроде и не фея, и не гномка, не эльфийского народа, но что-то кольнуло в сердце девочки, стало страшно за брата.

– Пстой, Мерна, куда ты убегаешь! – закричал пьяно, уже совсем теряя слова староста, хватая спешащую к Энии мать. – Дойдёт твоя девка сама домой, чай не маленькая уже!

Он наклонился к девочке и, дыша самогоном и чесноком, пролепетал ей прямо в лицо: «Ты ведь дойдёшь сама, лапочка? Позволишь мамочке остаться, повеселиться с нами? А я тебе пряник дам». Он достал из кармана штанов раскрошенные остатки медового пряника и протянул Энии, покачиваясь. Забулькал, заклокотал горлом и, едва девочка успела отскочить, вывернул содержимое своего желудка на землю.

Мама крепко схватила дочь за руку.

– Пошли домой, мышка! – сказала она срывающимся голосом, – наше время закончилось, негоже тебе на это смотреть, – и потащила дочь за границу света, в ночь, к дому. Эния обернулась, ища глазами брата. Девушка с чёрными как крыло галки волосами шла через толпу к нему, мимо вскрикивающих девушек и хмельных, пытающих её облапить по дороге мужчин, мимо богов, которые простому глазу казались людьми, прямо по углям костра, не морщась. Эния дёрнулась, забилась в руках матери, потянулась в сторону костров, но рука Мерны была крепка, и всё дальше горели Белтайновские огни, всё тише слышались пьяные вскрики и стоны.

– Что, человечка, не крикнуть? Не позвать? Не предостеречь? – засуетились прилетевшие откуда ни возьмись фейри.

– А мы твой голос отдали, подарили, той, что живёт во тьме! Той, что прячется среди трав! Той, что скрывается в тумане! Берегиссь, берегиссь, глупая человечка! Впереди долгая ночь! Тёмная ночь! Ведьмина ночь! – и злобные твари хохоча улетели прочь.

У неё в волосах была гроздь сирени. Мама что-то говорила Нису о сирени, да что толку запоминать старые сказки. Но что-то вьётся, крутится на языке. К несчастью? А может к счастью, наоборот. Ах, как же дурманит сирень, до головокружения. Первая в этом году, ранняя, ещё бледная лепест-

ками, не напоенная жарким майским солнцем, будто дрожащая, но пахнет уже в полную силу. И костры с холма расползаются ручейками огня, в каждый дом, частичкой наступающего лета, горящими свечами в руках. Волосы цвета крыла галки взметнулись к небу, серые глаза смотрят пронзительно, зовя, маня за собой. И Нис пошёл ей навстречу, забыв про прекрасную полногрудую белокурую Айрис, про мать и сестру, про то, что так и не рассыпал духам поминальные крошки.

Девушка проплыла сквозь визжащую, рычащую толпу и взяла его за руку. Холодна её рука, а на сердце жарко, как в пламени костра.

– Ты пойдёшь со мной, майский король? – слова прозвучали словно колокольчики в ночи. И голос у неё хорош, как у феи, и сирень вблизи околдовывает, чарует, хочется зарыться в чёрные со стальным отливом волосы и забыть самого себя.

– Как тебя зовут? – прошептал Нис.

– Ты пойдёшь со мной? – повторила она, будто не слыша вопроса, наклонилась и прижалась прохладными губами к его губам, скользнула ниже к шее, туда, где клевер с кривым лепестком.

– Я пойду с тобой туда, куда ты меня позовёшь.

В свете яркого пламени на поляне исступлённо целовались юноши и девушки. Кто-то кружился вокруг майского столба, пытаясь поймать избранницу, обернуть её шёлковой

лентой и впиться губами в сладкие губы, в тонкую шею, в белую девичью грудь. Рогатый бог и юная богиня, лёжа в траве, любили друг друга, двигаясь, как привязанные, синхронно, крича в ночь. И он пошёл за ней. Мимо костров и развевающихся лент, мимо растерянно озирающейся Айрис под сень леса.

– Мама, мамочка – кричала Эния беззвучно, но мать не обращала на неё внимания, думая о чём-то своём. Они почти подошли к дому. В свете яркой, торжествующей луны девочка увидела, что боггарт уже выломал щепки из ступеньки и теперь дразнил Шемрока, который надрывно лаял, пытаясь оторвать цепь и доказать маленькому поганцу, кто тут главный. Эния дёрнулась сильнее, ещё, выкручивая руку из цепкого захвата матери, вырвалась и побежала обратно, в ночь, на холм, уже не слыша криков, долетающих с порога, туда, где Нис и та девушка с веткой сирени в чёрных волосах.

Лес сомкнулся над их головами, и шум праздника как-то сразу затих, стал далёким и нереальным. Девушка остановилась, развязала пояс и повела плечами. Лёгкое сиреневое платье заскользило и упало на траву. Под сенью деревьев было темно, как в печной трубе, но Нису казалось, что кожа её светится, словно болотные огни. Она подошла ближе, прижимаясь, будто заползая ему под кожу, обжигая дыханием, и сирень в её волосах запахла сильнее, кружа голову. Нис

осторожно коснулся руками тонких рук, чуть заострённых плеч, неуверенно, будто боясь, что она может растаять. А потом сильнее и жарче, не в силах остановиться, впился губами в её губы, её шею, её плечи, маленькую острую грудь, рёбра, выпирающие под синеватой во тьме кожей. Не о ней он мечтал в кровати, не её ждал лукавой, страстной, порочной майской ночью, но она пришла к нему и затмила собой ту, другую. Девушка выгнулась как звенящая струна и потянула его с собой на траву, снимая с Ниса рубашку. Как хорошо-то, светлые боги, как легко, горячо, и оторваться невозможно. И вот уже два голых тела сплетаются в весенней траве, будто борются, а что такое любовь, если не борьба, чего она стоит тогда? Так вот как это бывает. Как хорошо, рогатый бог! Спасибо тебе! Благословенный Белтайн!

В воздухе пахло потом, цветами, раздавленными пляшущим хороводом, телами, нагретыми от тепла костров и любовных утех и чем-то животным, мускусным, рождающим панику внизу живота. Эния бежала к холму так быстро, что потеряла башмаки по дороге, но даже не остановилась, чтобы найти их. Меж костров то тут, то там лежали парочки, исступлённо дёргаясь, как куклы на шарнирах. Как стыдно, мамочки! Как же найти Ниса среди них? Как предупредить?

Айрис надрывно стонала в объятиях юного бога с зелёными волосами, будто ей было больно, но Эния могла поклясться, что это не боль, таким счастливым выглядело лицо

дочки старосты с прилипшими к влажному лбу золотыми волосами. Девушки, обнажённые, как в день своего рождения, взявшись за руки, скакали вокруг костра под дудочку одноглазого божка с козлиными ногами. Где же Нис? Ведь ни позвать его, ни отыскать. Воинственная широкоплечая богиня оттащила в сторону стройного, напуганного юношу, сорвала с него рубашку и повалила на землю, а сама уселась сверху.

В тени леса Эния скорее не увидела, почувствовала брата. Он лежал под куполом жутких, уходящих в темноту деревьев, закатив глаза, как в припадке, а верхом на нём сидела девушка с разметавшимися по спине и остренькой груди волосами цвета крыла галки. Она двигалась всё быстрее и быстрее, и Нис изгибался ей навстречу, хватаясь руками за талию, за острую бесстыжую грудь, будто она – его спасение. И вдруг девушка хрипло захохотала, завизжала, выгнулась дугой, и Нис издал короткий вскрик. Не в силах ни убежать, ни подойти ближе, Эния стояла на границе лунного света и лесных чернильных теней и смотрела на своего брата. Смотрела на то, что не должна была видеть. Вдруг отблеск ярко взметнувшегося костра упал на девушку, и в этом неровном свете, кожа незнакомки под пальцами Ниса начала расплываться, сереть, отставать клочьями, обнажая рёбра и противно сжимающееся и разжимающееся багровое сердце.

– Ты видишь меня? – прошелестел невесомый шёпот над ухом, будто штору всколыхнуло порывом ветра. Перед Энией парила в воздухе призрачная девушка с изрытым шрама-

ми лицом в подвенечном изодранном платье, кажется, дочь конюха – она умерла пять вёсен назад от ветряной оспы. – Видишь? – призрак помахал пятернёй перед носом девочки. Эния кивнула. Некрасивое, отмеченное нездешней печалью лицо девушки на секунду прояснилось, расцвело, и она подлетела поближе.

– Передай моему батюшке, молю, что я люблю его. Пусть не посыпает окна солью, не втыкает ржавый нож в дверные косяки. Я приду, приду к нему на Самхейн и заберу его с собой, чтобы мы всегда были вместе. Передашь?

У мёртвых своя мораль.

– Передай, передай – зашептала девушка в уши Энии. – Поклянись жизнью матери, что передашь? – и конюхова дочь коснулась своей рукой живой руки, будто льдом окатила.

Вдруг мёртвые, словно что-то почуяв, слетелись со всех сторон, голося, как стая возбуждённых ворон.

– И моей, передай мамке моей весточку! Скажи шо энто я не сам повесился, энто брат мой меня повесил на сосне, – заскулил тщедушный призрачный паренёк, даже после смерти бродящий с верёвкой на шее.

– Скажи жене моей, что она как была сукой так и осталась, – прошамкал сгорбленный прозрачный старик, – Хоть бы лепёшечку какую мне на могилу принесла, хоть бы яичко, – от него в землю текли волны чёрной ненависти, заражая всё вокруг.

– Передай...

И они закружились, тесня Энию, хватая ледяными бесплотными руками. А потом уже и просьбы прекратились, просто каждый хотел коснуться живой мягкой плоти, почувствовать ток крови на своих руках. Почти теряя сознание, Эния нащупала в кармане крошки печенья, что тайком насыпала мать, кинула их веером в духов и припустила бежать.

Нис встал, натягивая штаны, из ботинка выпал кусочек красной верёвки и остался лежать в чёрной траве, никем не замеченный.

– Ты пойдёшь со мной в лес? – прошептала девушка, так и не одевшись.

– Мне кажется, я видел у костров свою сестру. Я должен найти её, – по спине Ниса побежал холодок. Будто очарование ночи развеялось, и он не мог понять, что делает в лесу с этой незнакомкой. Сирень, раздавленная их телами, пахла сильно, до тошноты.

– А разве это не твоя сестра кричала там, в чаще? – прошептала девушка сладко, обнимая его за плечи.

– Стой, а откуда ты знаешь её голос?

И вдруг из глубины леса раздалось:

– Нис, Нис, я здесь, я потерялась! – казалось, девичий голос плыл и петлял, доносился то с одной стороны, то с другой, но он был напуганным, молящим, родной голос милой Энии. И Нис, не раздумывая, побежал во тьму, – Нис, мне страшно, мне больно и холодно, иди скорее ко мне!

Из-за хоровода духов Эния не успела увидеть, куда исчез брат, но кинулась вперёд, не разбирая дороги. Корни цеплялись за ноги, норовя схватить, задержать непрощенную путницу. Костры оставались всё дальше, и непроглядная ночь не давала увидеть пути даже на шаг вперёд. Эния двигалась на слух, где-то впереди раздавались торопливые шаги Ниса, а ещё дальше, в самой чаще, её собственный голос, который на рассвете украдал ведьма. Он звал брата вперёд и вперёд, увлекая его в непроглядный мрак, на погибель.

Вдруг завизжали, затрубили охотничьи рожки. Прямо перед носом Энии роем яростных теней пронеслась по ночному лесу Дикая охота. Чёрные лошади с торчащими сквозь истлевшую плоть костями, несли на себе всадников в развевающихся плащах и рогатых шлемах, собаки рычали, разбрызгивая слюну, а от дьявольских гончих врассыпную летели испуганные духи. Последним скакал Дуллахан, несущий собственную голову на вытянутой руке, как знамя. Охота не заметила дрожащую девочку, прижавшуюся к земле, совершенно одинокую этой волшебной ночью.

Поляну освещал свет полной луны, разделяя мир на свет и синие дрожащие тени. Дикая охота сбила девочку с пути, и, плутая по лесу, она вышла к озеру, ведомая только испуганно бьющимся о грудную клетку сердцем.

– Иди ко мне Нис, это я, твоя сестрица, спаси меня, забери

домой! – серолицая мара со спутанными чёрными волосами сидела на корточках у самой воды и звала, звала юношу к себе высоким девичьим голосом. Шаг, ещё один, и вот уже тварь протягивает к нему покрытые струпьями руки, при-творно плача.

Из клубящегося туманом чёрного озера полезли девки. Серая кожа болталась на торчащих рёбрах, раны на лице и руках сочились тёмной водой. Хищные зубы сверкали в темноте.

– Ну что, глупая маленькая человечка, – оскалилась желтоглазая феяри. Маленькие твари всё время порхали где-то рядом на самой границе видимости, – не спасссла своего брата?

– Не спасссла! Не уберегла! Не уссспела! – они били её острыми крылышками, щипали за волосы, хихикая.

– Забери назад свой голосс. Свой глупенький маленький голос, он теперь не поможет, – выкрикнула крылатая тварь прямо в лицо девочке, мельтеша, мешая ей пройти. Эния сунула руку в карман и в отчаяньи ткнула феяри ржавым погнутым гвоздём, та зашипела и истаяла дымом, освобождая путь.

– Нииииис! – вскрикнула девочка, и голос, её собственный голос, разрушил морок. Брат обернулся, ясняя взглядом, узнавая свою любимую сестрицу, но было уже поздно. Первая девка, у которой в волосах ещё сохранились запутавшиеся цветки сирени, впиалась острыми зубами в шею, раз-

дался хруст, и кровь полилась на землю. Несколько озёрных тварей, похожих на раздутых, изъеденных рытвинами жаб, кинулись лакать текущую горячую влагу, а остальные девки припали к рукам и ногам парня, разрывая плоть. Белые, как пшеница и лён, волосы сверкнули в свете полной луны в последний раз и пропали в море голодных мар.

И тут Эния закричала. Страшно, разрезая тишину Майской ночи, как проклятая банши. Мары зажали уши руками, те, кто не ведает железа, прыснули во все стороны с поляны. И вторя ей в лесной чаще завыл адский пёс, предрекая беды и несчастья всему роду людскому.

Говорят, в ночь на Самхейн грань между мирами так тонка, что перейти её ничего не стоит. Древние боги, несущие на плечах горы и вековые дубы, с головами оленей и медведей, каменные боги горных перевалов Килларни со снеговыми шапками, надвинутыми на седые брови, а за ними молодые боги ветров и выюг, забытые боги ноября с руками-ветками, на которых гнездятся красногрудые снегири, а уж за ними уже и бесчисленные сонмища духов всех мастей из мира по ту сторону проходят через высокие кованые двери на свет октября как только ленивая луна перевалится через ось полуночи.

Эния проснулась рано, пока мать спала. Больше можно было не бояться её разбудить. После смерти Ниса Мерна стала отрешённой, словно враз повредила рассудком, если и

увидит бредущую в темноте дочь, подумает, что чудится, что снова банши плачет над старым покосившимся крыльцом. Эния вытащила из дверного косяка ржавые гвозди, смела с покрытых паутиной подоконников рассыпанную нетвёрдой материнской рукой соль и хлебные крошки, собрала засушенные ягоды боярышника, расставленные по углам и зажгла чёрную свечу на окне.

Шемрок завыл во дворе, залаял, дёргая цепь, и Эния побежала за дверь, спотыкаясь от нетерпения. В белой рубахе с вышитыми лепестками клевера – один, у правого плеча, кривоват – с волосами цвета пшеницы и льна, в которых запеклась чёрная кровь, со страшными ранами на руках и ногах, сочащимися чёрной мёртвой водой, он стоял на пороге, улыбаясь страшной улыбкой, от которой на прозрачных щеках появились ямочки.

– Ну здравствуй, сестрица,пусти меня в дом.